

18+

Александр Трапезников

От
Смерти

К
Солнцу

Александр Николаевич Трапезников

От Смерти к Солнцу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22875545

ISBN 9785448374142

Аннотация

Сборник современной прозы, альтернативного текста, метафизического реализма. Путь Воина от Смерти к Солнцу в современном мире вечного одиночества. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Морена и Цветы	5
Я открываю глаза...	8
Я пройду мимо этой комнаты...	13
Бар	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

От Смерти к Солнцу

Александр Николаевич Трапезников

Иллюстратор Лидия Александровна Розсоха

Дизайнер обложки Александр Николаевич Трапезников

© Александр Николаевич Трапезников, 2017

© Лидия Александровна Розсоха, иллюстрации, 2017

© Александр Николаевич Трапезников, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7414-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Морена и Цветы

Морена и Цветы

*Я хочу одного: я хочу умереть
Крови своей хочу я испить и взлететь
Нельзя меня остановить и удержатъ
Свободный дух мой волен смерти ждать*

*Я знал: она придет и заберет меня с собой
Туда, где вечна тьма и где покой*

*Я ждал века и вот она со мной
Красавица, окутанная мглой*

В своей жизни я любил всего лишь одну женщину – Смерть. Еще ее звали Мореной.

Ее я не видел, но всегда ощущал ее ненавязчивое присутствие.

Всегда дарил я ей цветы. Но не простые. То были букеты из человеческих душ. И она была рада.

Мне тоже передавалось ее хорошее настроение, и мы смеялись вместе.

Раньше меня тяготило то, что я не вижу ее. Теперь же люди не видят меня.

А она – вот, стоит предо мной. Я и не подозревал насколько она прекрасна. И почему это люди боятся встречи с ней?

Проснувшись однажды, я увидел ее рядом с собой – она сидела на стуле у кровати и смотрела на меня. Только так может смотреть женщина, которая любит.

«Пойдем», – сказала она мне, – «нам здесь больше нечего делать».

Я встал, а тело мое осталось лежать. Я не удивился, а скорее обрадовался. Еще бы, сколько я этого ждал!

Дверь в комнату открылась и вошел человек. Я не помнил его (или ее) имени, но знал, что это был мой родственник. Он не заметил нас. Его взгляд был устремлен в сторону кровати. Лицо его побелело, он выбежал из комнаты, а через мгновение вернулся с другими людьми.

Кто-то начал рыдать, кто-то подбежал к телу и тупо смотрел на кровь, которая собралась лужицей на полу.

Эмоции наполняли комнату. Они были такими сладкими. Мы купались в них и смеялись.

А потом мы ушли. Она повела меня в свои чертоги.

Теперь я приношу ей больше цветов. Ведь раньше я был богом для себя, теперь я – бог и для других.

А она – моя богиня.

Я открываю глаза...

Я открываю глаза...

Я открываю глаза. Наверное уже утро. По свету в комнате этого не видно, так как его попросту нет. Обычная тьма и для дня и для ночи.

Я закрыл себя от шума мира окнами и от света занавесями на них. Нет, Я не спрятался. Я отгородился от того, что Мне чуждо, от того, что Мне мешает, как отгораживаются сеткой

от назойливых комаров.

Но они все еще иногда залетают и жужжат. «Вот один из них». – думаю Я, слыша звонок в дверь – и, действительно, заходит. Вернее влетает один.

«И откуда столько невостребованной энергии». – думаю Я. – «и тратится она всякие глупости. И не лень не проделать такой путь. И ради чего?»

Но вот он начинает говорить, и Я понимаю цель этого визита. Ему, как и любому комару, нужны уши. Ведь они так любят пожужжать, даже больше чем «кусать» и «пить кровь».

Я смотрю на него. Он что-то оживленно рассказывает, усиленно жестикулирует, меняет выражение своего «желтого» лица. На миг останавливается, чтобы сглотнуть затопившую его язык слюну и набрать еще больше воздуха, дабы родить еще кучу ненужных слов.

Хоть Я и вижу его, но Я не с ним. Я в моем доме. Дом старый и огромный, деревянный и просторный, в нем много разных вещей, они валяются повсюду, я хожу и смотрю на них. Около некоторых останавливаюсь и подолгу стою рядом. Небольшие, которые могу поднять, беру в руки, бережно стираю пыль. Большие же не трогаю, потому что знаю, что они пошатнут и так подорванное мое здоровье. Некоторые же вещи совсем новые, еще не успевшие покрыться вековой пылью. Я направляюсь к одной такой, которая блестит

в дальнем углу...

Он достает какие-то листы и начинает читать...

Это лиловый шар. Елочная игрушка. Такая хрупкая, что даже боязно брать ее в руки. Но такая тяжелая – Я роняю ее и она разбивается о дубовый паркет. Расстроенный. Я закрываю глаза, и открыв, вижу ее на прежнем месте целой и невредимой. Но что-то изменилось. Я не помню ее истории и как она попала в Мой дом. С силой и ненавистью Я выбрасываю ее в окно.

– «Ну как?» – говорит он.

– «Хорошо» – делаю над собой усилие, чтобы произнести это. Я вижу он доволен и весь светится от счастья. Ему так важно, что его послушали, и самое главное похвалили. Вот на миг он самоутвердился. Исполнился весь гордостью за себя, за то, что нужен себе и, как выяснилось, другим. Раз его слушают и прислушиваются. Слушают внимательно и кивают головой.

Он получил то, что хотел и уходит. Я напрягаю мышцы лица, изображая улыбку, которая с облегчением исчезает с закрытием двери.

А вот и старый потертый рояль. Какие только на нем мелодии не играли. Только Я никогда не садился за него. Я

не умею играть, да и не хватает в нем половины клавиш от очень частого небрежного использования, что была бы за музыка? Так, «бренчание», грош ей цена.

Еще один звонок и влетает новый комар – пошло новое жужжание, но со старым смыслом. Все одно и то же, ничего нового они не придумывают. Все тот же плаксивый смех и не менее кажущиеся проблемы, облаченные в жалкие и пустые слова. Все то же выдавливание голыми ногами сока из шипов замерзших роз.

Причем жужжание такое сильное, громкое и настойчивое, что его даже слышно у Меня дома.

Я хожу по нему и иногда спотыкаюсь о какую-нибудь вещь. Некоторые пинаю, другие бережно ставлю на видное место.

Уходит и этот человек. Новая улыбка и новое облегчение.

Я выглядываю в окно. В свете луны по лужайке бесцельно бродят мертвецы. Им холодно и они хотят, чтобы Я впустил их в дом, но этого не будет.

Очередной звонок и новый человек. Он сияет будущим. Таких много. Но что мне до него. Мне нет дела до настоящего.

Окончательно закрытая дверь. Все! Я больше не буду натягивать улыбки. Какое ужасное физическое упражнение.

У Меня еще так много дел дома. Я найду елочный шарик и верну его на свое место. Я впущу мертвецов, пусть погребутся, и Я сыграю для них реквием на потертом старом рояле.

Я закрываю глаза – я засыпаю.

Я пройду мимо этой комнаты...

Я пройду мимо этой комнаты. В ней пусто и ничего интересного. Лишь портреты на стенах. Картинная галерея исполняющая роль склепа.

Может как-нибудь потом. А сейчас Мне недосуг снова рассматривать эти забытые уже лица. Сейчас Я не хочу их вспоминать. Как-нибудь потом...

Лучше выйду в сад и посижу на моей любимой скамье. Резной, дубовой, но уже такой старой. Она еле выдерживает Мой вес. Ранее целая и крепкая. Ныне треснувшая, чуть ли не превратившаяся в труху. Все время битая дождем и пытаемая солнцем.

Теперь она здесь, в саду, где нет ее инквизиторов. Да еще и в приятной компании. Вокруг вечные нестареющие красные розы с черными стеблями. Сейчас они спрятали свои шипы, но только подойди...

Розы, черная трава, фиолетовые деревья, как крыша, которая не пускает сюда назойливость погоды. Посему здесь всегда сухо, свежо, полумрак и приятная, обволакивающая тишина, без этих звуков, издаваемых птицами и прочими.

Никогда не понимал людей, которые, вылезая раз в год из своих бетонных клеток на природу, слушая соловья, делают блаженное лицо и гордо произносили: «Лепота!». Что ж, шипение гадюки тоже музыка. Почему бы и в ней не найти

красоту.

И у Меня как-то жила птица. Я держал ее в клетке, которую ставил на солнце. Я кормил ее зерном, но белая птица молчала. Я вырвал ей язык. Позже Я ее отпустил и она полетела к людям, полная надежд вернуть утраченное. Но люди били ее и выгоняли. Один раз хотели испечь, другой – съесть. Люди..., кричавшие «Лепота!»

Ладно, пойду в мою келью, пересекая длинный коридор, на одной из стен которого, как Я помню, висит зеркало. Раньше, проходя мимо и глядя туда, Я все время пугался. Теперь же Я стараюсь не смотреть.

В комнате отшельника тусклый красный свет. При таком свете легче дышать, воздух, как будто горный, даже чище чем в саду. Иногда даже чувствуешь дуновение ветерка на лице.

Из дальнего угла на Меня уставился телевизор.словно один большой глаз, без тела и на ножках. Он все время за Мной наблюдает. Когда-нибудь я выбью его. Он вытечет. На его месте будет пустота. Я залезу туда и свернусь калачиком.

В комнате очень сильное притяжение. Тебя так и вдавливает в пол.

Здесь уже давно нет времени. Часы я пристрелил. Они все время шумели своими крыльями – стрелками.

А внутри все так же как и снаружи.

Запекшаяся кровь моих снов застревает в горле и мешает

дышать.

Иногда залетает муза. Нежно садится на переплетения моей души. Она играет на них и поет. Тогда некоторое время звучит у Меня в голове ее Музыка. Но постепенно, нота за нотой, забывается и голос фальшивит. Потом и вообще исчезает. И Я хожу с суровым спокойствием, спотыкаясь об углы моей комнаты. Но вот вновь Она Меня посещает и опять в душе Моей многозвучно. Порой не хватает гармонии и в ней хаотично, но и в хаосе своя прелесть и своя боль.

Да и вообще – все одна большая боль. Но я не испытываю в ней ни наслаждения, ни трепета пред ее величием. А она, действительно, огромна. Высока и уходит в заоблачные дали. Когда пытаешься увидеть ее конец – задираешь голову. Стоишь долго, всматриваешься. Но тщетно все это. Тщетно и бессмысленно. Лишь болят глаза, начиная слезиться, и затекают шея.

Эх, память. Я помню ее начало.

Тогда был чудесный (по Моим старым меркам) день. Светило солнце. Его было так много, что воздух кое-где плавился, дул легкий теплый ветер, чуть задевая прозрачные еще тогда занавески. В комнате было светло и на полу отпечаталась тень солнечного луча, как лунная дорожка на тихой поверхности океана, я ходил босиком по теплому полу, жмурился от солнца, и совершенно ни о чем не думал.

Я и не заметил, как ко Мне, тогда еще впервые, влетела Муза. Я увидел ее и обомлел, ноги подкосились и я уселся

на пол. Я сидел так несколько мгновений. Но вот она заговорила.

Ее голос был прекрасен. Она рассказывала о себе. Но Меня не замечала. Словно сама с собой она говорила.

«Смотрите», – шептали вещи, – «здесь зарождается новое», видя блеск моих глаз. Но увы они ошиблись. Родилась лишь боль. Чудесная, громадная и нестерпимая. Разрывающая.

То чуть затихающая, то вновь, с еще большей силой, обволакивающая колючей слизью.

В тот день, она лишь взглянув на Меня, выпорхнула за чем-то бесформенным, пролетавшим мимо. И сколько раз такое повторялось позже... Не счесть.

С тех пор и зародилась боль. Рана от стрелы ее взгляда была огромна и кровоточила. Кровь была черной.. Иногда она специально разрывала уже начинающую заживать рану. Но вот примерно год она не появлялась. И рана заросла. Боль утихла. Но это был не более чем период ремиссии. Рана раскрылась, когда она, вспомнив обо Мне, залетела после долгого отсутствия. И боль вернулась. С еще большей силой и усердием приступила к своей работе. Рана начала расширяться и стала гноиться. Черная кровь смешивалась с желтым гноем и оседала где-то внутри.

И если гнивающую конечность можно удалить, то как удалить душу где властвует гангрена? Гангрена души.

Вскоре началось и заражение крови. Боль пошла по всему

телу. Солнечные лучи жгли кожу и слепили глаза. Каждый звук раздражал и терзал. Теперь я не пускаю сюда этих раздражителей.

По всем законам Я уже давно должен был умереть от заражения. Я приготовился встретить Смерть. Я сидел и ждал ее, боялся заснуть, чтобы не упустить момента посмотреть в ее глаза. И она приходила в Мой дом. Но все время забирала других. Вскоре, дом мой ранее многолюдный, опустел. Меня же она оставляла, продлевая Мои страдания, одного наедине с моей болью, с запахом гниения, с запахом безумия.

Этим запахом пропитался каждый предмет. И каждый сошел с ума.

И пол у окна, скрипевший под Моей поступью, теперь скрипит сам по себе.

Иногда, ни с того, ни с сего колышется занавеска.

Читая книги, убегают запятые и перебегают с места на место слова.

Глаза теперь закрывать бесполезно. Хоть они и закрыты, все равно видишь все отлично.

Иногда слышен чей-то голос. Может быть это ворчит старый огромный шкаф?

Иногда «плывут» стены, как бы прося: «Пройди сквозь нас».

Иногда и отхожу от себя и вижу оболочку со стороны, когда ты вне нее, тебе легче на нее смотреть, на это жалкое ис-

терзанное болью тело.

Иногда краем глаза видишь, как что-то пробегает по стене. Но когда поворачиваешь в эту сторону голову – уже ничего нет.

Всех этих иногда так много. И они так часто происходят. Происходят всегда.

Я бы закрыл уши и глаза. Но все равно ничего не изменится. Пожалуй лучше Я «упаду» в сон. Кое-как Я отключалось. Но тут же Я снова здесь. Меня разбудил шорох, какое-то шарканье.

А, старые знакомые. По ковру, точно по узору, ходят кругами люди. Их двое. Люди в сером. В серых помятых, кое-где порванных костюмах. В серых же фетровых шляпах. Их руки за спиной. Точно заключенные. Я как-то хотел спросить у них, кто они такие и что здесь делают. Но понял, что Мне это совсем не интересно, какая разница?

Если их не замечать, они, нагулявшись, уйдут. Вот они и ушли. Но как они снова попали сюда?

Черт! Я забыл закрыть дверь. Я ее закрываю. Проверяю. Закрыта. Что со Мной? Я же только что убедился, что она закрыта, но не уверен в этом. Проверяю снова и снова. Закрыта. Закрыта. Закрыта. Закрыта... Отхожу, но все равно не уверен.

К черту дверь. Впрочем и не в двери то дело. С таким же бессмысленным упорством Я проверяю плитку, адреса на письмах, краны. Я так больше не могу. Не могу...

– «У тебя опять болит голова?»

– «Да, и снова в одной точке.»

– «Дай-ка угадаю, и руки холодные?»

– «Да, ледяные.»

– «А ты проверил дверь?»

– «Да».

– «А почему не спишь?»

– «Ты знаешь. Я задыхаюсь, задыхаюсь кровью и слизью, и этой вонью».

– “ Да, я знаю, ты – сумасшедший».

Я кручу головой, пытаюсь найти собеседника. Но, не находя, замолкаю.

Из-под двери, плинтусов, занавесок выползают тени. У них в руках зажаты какие-то предметы, я стараюсь рассмотреть, что это и вижу у одной лезвие, у второй нож, у третьей пустой шприц. Они все собираются посреди комнаты и сбрасывают в одну кучу все вещи, которые они принесли. Куча растет, и приобретает очертания человека.

Он начинает плясать, закидывая ноги за голову. В танце все ближе и ближе приближается ко Мне.

Я убегаю. Забегаю в первую попавшуюся дверь. Закрываю.

Закрыта. Закрыта. Закрыта...

Это склеп. Я посреди этой галереи. Со всех сторон Меня буравят своими взглядами какие-то люди. Кто же они, что их портреты висят на Моих стенах. Я пытаюсь их вспомнить.

Подхожу к каждому из них, долго стою рядом. Но не помню.

В дверь кто-то ломится. Он нашел Меня. Из-за двери Я также слышу и голос Музы. Она зовет Меня своим ангельским голоском. Черт, и Она, Она на их стороне.

Комната наполняется смехом. Смеются портреты. Я перевожу взгляд от одного к другому. На всех лицах довольные ухмылки.

От них и смеха у Меня начинает кружиться голова.

Я подхожу к двери и открываю ее. И в этот момент в Меня впиваются все эти лезвия и ножи. И шприцы усиленно вкачивают воздух в аорту.

В паре метров стоит муза, такая же прекрасная, как всегда, и протягивает Мне свою розу. Я протягиваю свои руки к ней. Делаю шаг, падаю, ползу на коленях, на четвереньках, на животе. Успеваю только обнять ее ногу, и, наконец-таки, засыпаю. Ненужная уже роза выскользывает из ее рук и разбивается о мою спину. Так разбивается мечта.

Я пройду мимо этой комнаты...

Бар

Обычный бар. Стандартный. Таких много. Со своей стойкой. Рядом початых бутылок на прозрачных полках. Парой столиков уходящих во мрак. За такими любят сидеть хмурые личности и загипнотизированные парочки. Облизывающийся постоянно кот, с презрением смотрящий на всех и не подпускающий никого.

Единственным небольшим отличием этого бара являлось только его местонахождение. Если большинство пряталось по подвалам, то этот находился на самом верху, но полумрак был все тот же и та же атмосфера.

Пара-тройка постоянных посетителей и вечный Бармен. Ему нравилась его работа. Он угощал людей.

Сейчас он с интересом всматривается в кроссворд, который разгадывают двое его знакомых, потягивая пиво. По лицу видно, что ему действительно интересно, и что знает он это слово, да вот вспомнить не может. Он уже начинает нервничать.

Неподалеку сидит еще один человек и говорит;

– Может быть я смогу помочь?

– Да кто ты такой? – зло и с досадой отвечает Бармен.

– Я – Художник.

– Художник? – смеясь переспрашивает – Да что ты знаешь?

Вновь тихо. Через мгновение тишину нарушает голос Художника:

– Фрейд.

Трое «интеллектуалов» смотрят на него: «Что?»

– Фрейд.

И тут озабоченное лицо бармена меняется. Теперь там радость и облегчение. Он даже чуть подпрыгивает:

– Фрейд! Ну конечно же, Фрейд! Зигмунд, мать его!

И снова тихо. Они обдумывают новый вопрос, а Художник маленькими глотками пьет красную жидкость. Когда делает глоток, морщится, на мгновение, а потом лицо все то же. Каменная маска, а в глазах пустота.

Сделав очередной глоток, встает и направляется к музыкальному автомату. Такие раньше стояли во всех барах. Кидает монетку и выбирает пластинку, – потрескивая, начинает играть музыка. Возвращается на свое место.

За всем этим наблюдают остальные и когда Художник делает очередной глоток, отворачиваются к своему занятию.

Он же смотрит сквозь ряд бутылей и слушает старую песню. И кот прислушался и уже не облизывается.

Дверь открывается и заходит высокий человек в длинном плаще. Садится рядом с Художником. Художник все так же, не обращая внимания, смотрит вперед, Бармен наливает человеку в плаще полный стакан. Он его залпом выпивает и просит повторить.

– Эх, хорошо! – смотрит с вожделением на наполненный

стакан. – А что это за старое дерьмо играет? Что нет ничего современного? Художник медленно поворачивает к нему голову:

– Как вас зовут?

– Писатель.

– Вы, наверное, пишете. И о чем же?

– Да о многом. Вот сейчас зима и я описываю зиму.

– А разве вы не чувствуете атмосферы?

– Какой, к черту, атмосферы?

– Атмосферы того времени. Красоту той эпохи?

– Какая на хрен красота? – говорит и запивает. Бармен повторяет. Крутит стакан по часовой стрелке. Икает: «Я – Писатель!»

– Да, конечно. А я нет.

– Пишите, пишите, товарищ Писатель. Нам такие нужны. – Художник оборачивается. Это говорит человек, который сидит справа. Художник и не заметил, когда он вошел. Человек в бакенбардах. Он представляется: «Философ.» Он пьет из трубочки свой коктейль, рядом на салфетке лежит маслина.

Музыка уже давно закончилась. Допив коктейль, Философ встает и говоря:

«Пишите. Пишите. А меня ждут мои книги», направляется к двери и уходит.

Писатель допивает свой последний стакан и падает без чувств. Мужики, оторвавшись от своего занятия, поднимают

его с радостью и выносят за дверь. Слышно, как он долго еще скатывается по ступенькам. И снова воцаряется привычная тишина. Только слышно как думают кроссвордисты.

Проходит некоторое время и колокольчик над дверью вновь звонит. Дверь медленно открывается. Девушка неуверенно заглядывает и, решившись, заходит и быстро подходит к стойке. Садится рядом с Художником. Говорит:

– Когда же сделают лифт? Я так устала.

Взоры всех впиваются в нее. Она очень красива. Художник тоже смотрит на нее. На миг в его пустом взгляде появляется что-то, но потом исчезает и он отворачивается, уставившись опять вперед.

Бармен суетится, предлагая различные коктейли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.